

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 75–82.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 1 (86). P. 75–82.

Научная статья
УДК 32
doi: 10.54398/1818-510X.2026.88.3.008

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КСЕНОФОБИИ И РУСОФОБИИ**

Голубин Роман Викторович

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия
golubin-roman@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4565-1942>

Аннотация. Русофобия как частный случай ксенофобии рассмотрена как социальная установка – сложное по структуре социально-психологическое образование, включающее когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты (знание – эмоция – действие). Дано определение русофобии как ксенофобии по отношению к русским как носителям российского гражданства, языка, культуры и исторически обусловленных политических взглядов, разделяемых большинством населения страны. Важным выводом стало фактическое отсутствие экономического фактора в формировании русофобии, что не позволяет нивелировать ее с помощью экономических инструментов. Также проанализированы механизмы формирования русофобии на уровне отдельной личности и социальных групп, актуализирующиеся в процессе межличностного взаимодействия. Не подлежит сомнению важность индивидуальных представлений для формирования поведенческих паттернов в отношении явлений и процессов, происходящих в окружающем мире. Сделан вывод о сознательном насаждении русофобии в странах «коллективного Запада», поскольку поддержание тех или иных нарративов требует постоянной идейной и содержательной подпитки, которая в условиях слабых межличностных и межинституциональных контактов не может поддерживаться спонтанно. На основании характеристик социальной установки как социально-психологического феномена сделан вывод об устойчивости русофобии как системы взглядов социальных групп и обществ и наличии объективных трудностей ее преодоления. Пересмотр социальной установки возможен при переживании ее субъектом когнитивного диссонанса, возникающего в случае появления альтернативной информации и рассматриваемого как форма внутриличностного конфликта. Также в общих чертах рассмотрены институциональный и структурный уровни русофобии, проявляющиеся, соответственно, в деятельности социальных институтов и государственной политики в целом, обосновывается вывод о деструктивной роли насаждаемой русофобии для процессов достижения мира.

Ключевые слова: ксенофобия, русофобия, социальная установка, социальные институты, политический процесс

Для цитирования: Голубин Р. В. Социально-психологические и социологические механизмы и факторы формирования ксенофобии и русофобии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 3 (88). С. 75–82. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.008>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**SOCIO-PSYCHOLOGICAL AND SOCIOLOGICAL MECHANISMS AND FACTORS
IN THE FORMATION OF XENOPHOBIA AND RUSSOPHOBIA**

Roman V. Golubin

Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia
golubin-roman@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4565-1942>

Abstract. Russophobia and, more broadly, xenophobia is considered in the article as a social attitude – a complex socio-psychological education, including cognitive, affective and behavioral components (knowledge – emotion – action). The definition of Russophobia as xenophobia in relation

to Russians as bearers of Russian citizenship, language, culture and historically determined political views shared by the majority of the country's population is given. An important conclusion is the actual absence of an economic factor in the formation of Russophobia, which does not allow it to be leveled with the help of economic tools. Next, the mechanisms of formation of Russophobia at the level of an individual and social groups, actualized in the process of interpersonal interaction, are analyzed. There is no doubt about the importance of individual representations for the formation of behavioral patterns in relation to phenomena and processes occurring in the world around them. The conclusion is made about the deliberate imposition of Russophobia in the countries of the "collective West", since the maintenance of certain narratives requires constant ideological and substantive support, which cannot be spontaneously maintained in conditions of weak interpersonal and interinstitutional contacts. Based on the characteristics of the social attitude as a socio-psychological phenomenon, a conclusion is drawn about the stability of Russophobia as a system of views of social groups and societies and the presence of objective difficulties in overcoming it. A revision of a social attitude is possible when its subject experiences cognitive dissonance, which arises in the case of an alternative information and is considered as a form of intrapersonal conflict. The institutional and structural levels of Russophobia, which are manifested, respectively, in the activities of social institutions and public policy in general, are also considered in general terms, and the conclusion is substantiated about the destructive role of propagated Russophobia in the processes of achieving peace.

Keywords: Xenophobia, Russophobia, social attitude, social institutions, political process

For citation: Golubin R. V. Socio-Psychological and Sociological Mechanisms and Factors in the Formation of Xenophobia and Russophobia. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 3 (88), pp. 75–82. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.008> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Обострение внешнеполитических противоречий неизменно требует не только политологической или исторической, но и социально-психологической легитимации конфликта вплоть до популяризации идеи об экзистенциальном характере вызвавших их противоречий. Факт, что неприязнь и тем более ненависть являются одним из инструментов борьбы, очевиден: замещение врага обезличенным «образом врага», который не достоин сочувствия, расковывает противников в выборе средств, избавляет от моральных дилемм, наделяет чувством абсолютной правоты со всеми вытекающими последствиями.

Одним из таких инструментов, используемых по отношению к России на протяжении уже нескольких столетий, является русофобия [7, с. 36–50; 8, с. 175–207]. Мы рассмотрим ее как частный случай ксенофобии, под которой будем понимать комплексный социально-психологический феномен, обуславливающий нетерпимость к кому-то или чему-то непонятному, восприятие чужого как враждебного и опасного [12, с. 166–177]. Это позволит нам, во-первых, обратиться к более широкому теоретическому аппарату [9, с. 31–39; 6, с. 263–326], а во-вторых, сохранить по возможности научную беспристрастность при анализе чувствительной и даже болезненной темы. Таким образом, целью нашей статьи стала попытка описания социально-психологического и социологического механизма формирования политических феноменов ксенофобии и русофобии.

Основная часть

Ксенофобные установки – важный элемент сохранения национальной, культурной и религиозной идентичности, позволяющий провести более четкую границу между «своими» и «чужими», эмоционально окрасить и, тем самым, усилить имеющиеся различия в ситуациях, требующих высокой общественной интеграции перед лицом каких-либо опасностей. Ксенофобию как явление можно проследить на биологическом [13, с. 405–502], экономическом [4; 14, с. 1–20], психологическом [10, с. 189–190; 15, с. 26–31; 1] и социальном [5, с. 333–355; 3; 9, с. 31–39] уровнях. На биологическом уровне ксенофобия может рассматриваться как эволюционно обусловленная разновидность навязчивых состояний, препятствующих контактам с чужеродными агентами и распространению различных инфекций. В качестве примера можно привести такую характеристику, как брезгливость, – высшую форму отвращения, не позволяющую близко контактировать не только с конкретным человеком или определенной социальной группой, но даже с предметами, которые они используют в быту, например с посудой. Активизация данного глубинного механизма, фактически отключающего способность к рефлексии, может быть использована для возбуждения самой жестокой ненависти [11, с. 70–87].

Комбинируемая детерминация человеческой деятельности, в том числе в сфере проявления ксенофобии, предполагает создание сложной системы стимулов, лежащих в понятной для индивида сфере. Имманентная склонность к экономическому детерминизму обуславливает популярность соответствующих объяснительных стратегий. Они оказываются весьма крайне продуктивными при анализе, например, феномена синофобии, т. е. предвзятого отношения к Китаю и всему китайскому в США. Обострение данного явления можно наблюдать на протяжении последних полутора-двух десятилетий, совпавших с периодом бурного экономического и технологического роста Китая, способного поставить под сомнение американское доминирование в ключевых сферах [17]. Санкции против компании «Huawei» – признанного лидера в сфере развития телекоммуникационного оборудования поколения 5G – стали мощнейшим фактором сдерживания целого направления технологического развития. Более того, администрация президента США Дж. Байдена постоянно ужесточала правила, направленные на то, чтобы не допустить в Китай передовые микросхемы и производственное оборудование, стремясь закрыть лазейки, которые могут помочь геополитическому сопернику получить прогрессивные технологии. Уровень неприязни к Китаю, сложившийся в настоящее время, специалисты сравнивают с антикоммунистической истерией начала 50-х гг. XX в., связанной с именем сенатора Дж. Маккарти. Справедливости ради необходимо отметить, что в китайском обществе формируются такие же негативные представления относительно США и всего американского. Следуя логике экономического детерминизма, данные установки будут сглаживаться по мере углубления взаимной заинтересованности обеих стран.

Характерной особенностью русофобии как разновидности ксенофобии является отсутствие прямой связи с экономическими факторами; в ее основе лежат механизмы не столько экономического, сколько политического и социально-культурного порядка, в результате чего русофобия приобретает черты комплексного явления, которое невозможно нивелировать при помощи традиционных экономических мер. Исходя из вышеизложенного, под русофобией мы будем понимать ксенофобию по отношению к русским как носителям российского гражданства, языка, культуры и исторически обусловленных политических взглядов, разделяемых большинством населения страны. О существовании русофобии в предложенной трактовке можно судить по многочисленным попыткам отмены русской культуры, имеющим место не только в странах «коллективного Запада». Так, весной 2024 г. в Южной Корее снова отменили премьеру с участием солистов Большого театра; в нью-йоркском Метрополитен-музее поменяли национальность именитых художников из российской империи; Амстердамский Эрмитаж разорвал отношения с Эрмитажем в Санкт-Петербурге. Некоторые города-побратимы российских городов в ЕС, США и Австралии в одностороннем порядке отменили этот статус. Несмотря на тщетность попыток отмены русской культуры, общая тенденция очевидна и нуждается в более детальном анализе с позиций социально-психологических механизмов, обеспечивающих формирование ксенофобских и русофобских установок и поведенческих паттернов на уровне отдельных индивидов и социальных групп.

Психологическое и социальное измерение запускает механизм формирования ксенофобии как социальной установки и определяет характеристики соответствующих поведенческих паттернов. Как любой инструмент, ксенофобия имеет свою сферу использования, свой объект и свои ограничения. Потребность в фундаментальном изменении ставшей привычной точки зрения индивида обуславливает необходимость ее проникновения глубоко в структуру его личности с последующим превращением во внутренний регулятор ее поведения. Интернализированная таким образом ксенофобия становится внутренней характеристикой человека.

Этот тип ксенофобии включает личные убеждения и предубеждения относительно «другого», «чужого», сформированные под влиянием нашей культуры, являющейся господствующей по отношению к культуре тех, в отношении которой проявляются ксенофобные установки. Она может принимать различные формы, в том числе: предрассудки по отношению к представителям другой расы, культуры, социальной или этнической группы; субъективно переживаемое угнетение, т. е. негативные убеждения о себе со стороны «другого» или, напротив, переживаемое чувство превосходства по отношению к объектам ксенофобии. Конечно же, социальная природа ксенофобии очевидна: вряд ли можно себе представить ситуацию, когда человек рождается с готовыми ксенофобными социально-психологическими фреймами по отношению к конкретным этническим или иным группам, способными самостоятельно актуализироваться по мере развития мыслительной деятельности и речевых способностей.

Исходя из этого, наиболее близким обобщенным понятием, подходящим для анализа ксенофобии на данном уровне, является «социальная установка», традиционно находящаяся на стыке предметных полей социологии и социальной психологии, по-своему интерпретирующими ее содержание и уровни проявления. В общем смысле, под социальной установкой понимается психологическая предрасположенность, готовность вести себя определенным образом

по отношению к объектам социального мира. Эта психическая предрасположенность не возникает на пустом месте и имеет весьма сложную структуру. Говоря об установке, всегда нужно помнить о том, что в ее основе лежит определенное знание или совокупность сведений об объекте, в отношении которого формируется установка. Эти знания могут иметь как отрывочный, так и вполне систематический характер, вооружая субъекта необходимой информацией в объеме, достаточном для формирования субъективно целостной когнитивной картины. Как правило, после ее создания в сознании формируется своего рода фильтр, позволяющий отбирать лишь ту информацию, которая не противоречит стройной совокупности сложившихся образов, что отвечает присущей человеку потребности в гармонии.

Необходимо отметить, что подобного рода субъективные картины, к которым мы с полным правом можем отнести не только ксенофобию, но и различного рода стереотипы, предрассудки, расистские представления и иные формы групповой дискриминации, имеют определенную функциональную нагрузку, рассмотрение которой может стать предметом отдельного обсуждения и исследования. Так, необходимо отметить их познавательную функцию: какой бы ни была предоставляемая ими информация, она дает индивиду или группе определенный набор знаний относительно окружающего мира и своей стратегии поведения в нем. Это касается не только субъектов ксенофобного поведения, для которых соответствующий когнитивный набор является оправданием всевозможных форм дискриминирующих поведенческих паттернов, но и для объектов притеснения, поскольку дает представление о рисках и защитных стратегиях.

После получения необходимого или достаточного объема знаний неизбежно формирование определенной ответной эмоции. Актуализация аффективного компонента социальной установки обуславливает чувство симпатии или, как в нашем случае, антипатии к тому или иному объекту. Факт, что «окрашенность» аффективного компонента напрямую зависит от полученной ранее информации, очевиден. Именно этот компонент определяет отношение субъекта как разность положительных и отрицательных эмоций, вызываемых объектом. Еще одним вариантом может быть амбивалентное отношение, т. е. примерно равное соотношение позитивных и негативных аффектов, не позволяющих субъекту склониться в ту или иную сторону.

Несмотря на явный психологизм в описании аффективного компонента, мы не можем не указать на роль социальных и социально-демографических факторов, влияющих на его проявление. Среди таковых отметим прежде всего возраст. Повышенная реактивность и максимализм молодежи делает ее крайне благодарной аудиторией для различного рода радикальных лозунгов. Этому способствуют также и макросоциальные факторы, влияние которых на подрастающее поколение легко проследить на примере республик бывшего СССР. Речь идет прежде всего о социализации в условиях господства антироссийских нарративов, отсутствии опыта жизни в других политических условиях, давлении монокультурной национальной среды, насаждении мифов о собственной этнической уникальности.

В истории изучения феномена социальной установки условно выделяется две группы исследований. Первая рассматривала ее как двухчастную структуру, анализируя ее когнитивный и аффективный компоненты [10, с. 189–190]. Это вело к трактовке установки преимущественно как состояния нервной системы, «расположенности индивида к определенным реакциям на внешнюю среду». Вторая группа рассматривала ее как трехкомпонентную структуру, дополнив эти компоненты поведенческим измерением [2, с. 135–140]. Данное открытие стало противоречивым, но довольно продуктивным шагом на пути исследования не только механизмов формирования ксенофобии, но и особенностей ее проявления в социальном, политическом и медийном пространстве.

Поведенческий компонент установки – это действия человека, продиктованные влиянием когнитивного и аффективного компонентов. В конечном итоге это позволило отойти от представления об установке как о склонности к определенным реакциям и сделать ее фактором, определяющим действие. Однако это моментально актуализировало вопрос о соотношении элементов установки между собой, а главное – об их расхождении внутри одного индивида. Очевидно, что наличие определенной даже очень чувствительной информации, вызывающей серьезные эмоции, вовсе необязательно приведет к актуализации соответствующего паттерна. Для изучения ксенофобии и русофобии данное обстоятельство имеет принципиальное значение, поскольку в значительной мере объясняет неготовность широкой западной аудитории включаться в активные антироссийские действия. Очевидно, что их не хватает и более серьезных компонентов, например политической воли, самостоятельности в принятии решений или экономических ресурсов, но они как раз и выступают в роли факторов, обуславливающих расхождение компонентов установки между собой.

Наиболее распространенное понимание ксенофобии в массовом сознании ограничивается межличностным уровнем. Именно на нем наши собственные предрассудки и предубеждения

раскрываются во взаимодействии с представителями различных культурных, этнических, политических и иных групп. Но надо признать, что межличностная ксенофобия на самом деле является симптомом более фундаментального явления, целого ряда культурных норм, институциональной политики и практики, которые приводят к неравенству, нередко без злого умысла.

Межличностная или личностно опосредованная ксенофобия формируется в процессе взаимодействия индивидов. Для ее возникновения или распространения нужны, что называется, конкретные претензии, возникающие в ходе регулярных или, реже, разовых контактов. В качестве примера такой ксенофобии можно привести случаи бытового национализма, возникающего в местах компактного проживания этнических меньшинств. В этой ситуации общение носит, как правило, весьма тесный характер, расхожие стереотипы в отношении тех или иных этнических групп носят устойчивый и исторически сложившийся характер и не являются значимым фактором конструирования социального взаимодействия. Совсем другая ситуация возникает в случаях, когда опыт многолетнего взаимодействия отсутствует, а социально-политический или социально-исторический контекст сформировал враждебное отношение к представителям той или иной социальной группы или национальности. В этом случае накопленный негатив, сталкиваясь с недостатком адекватной информации, становится фактором перетекания ксенофобии в агрессивную фазу с угрозой распространения на общность в целом.

Рассмотрение русофобии и ксенофобии как социально-психологического феномена, тем не менее, не позволяет оставить в стороне другие уровни их проявления, оказывающие влияние не только на деятельность отдельных институтов, но и сознательно приводящих к открыто дискриминационной политике в отношении целых стран и даже континентов. Следующий уровень – институциональная ксенофобия – возникает в рамках социальных институтов и системы власти. Можно назвать это мезоуровнем формирования и проявления ксенофобии. Речь идет о несправедливой политике и дискриминационной практике в конкретных учреждениях – школах, вузах, на рабочих местах и т. д., которые регулярно приводят к правовому неравенству дискриминируемого населения. Очевиден факт, что подобное неравенство является инструментом перераспределения институциональных или организационных ресурсов.

Наконец, структурная ксенофобия – это предвзятость по отношению той или иной группы в обществе в целом. Это кумулятивный эффект целого ряда социальных и политических факторов, включая историю, культуру, идеологию и взаимодействие социальных и политических институтов, которые систематически ставят одни группы или страны в привилегированное положение и дают возможность открыто дискриминировать других. Эту ситуацию при определенных условиях можно сравнить с расизмом, при котором фактором дискриминации становятся какие-то природные аспекты (например, цвет кожи), изменение которых в угоду господствующей идеологии невозможно в принципе. В качестве наиболее очевидного примера можно привести проблему русскоязычного населения в Прибалтике, чрезвычайно обострившуюся сразу же после распада СССР, нерешенную в последующие годы и вновь приковавшую к себе внимание в связи с обострением внешнеполитической обстановки в последние несколько лет. Культурные противоречия традиционно смотревшей на Запад Прибалтики и России были обострены сложным историко-политическим анамнезом. Наиболее яркими иллюстрациями данного тезиса являются и перенос памятника солдату-освободителю в Таллине в апреле 2007 г. и официальный запрет общения на русском языке в латвийских школах, установленный в конце 2024 г. Схожие процессы можно было наблюдать и в других бывших республиках, но ситуация в Прибалтике получила больший резонанс.

Говоря о русофобии и шире – ксенофобии, мы не можем не указать на ее функциональность. Создание и культивирование образа врага, нагнетание чувства постоянной угрозы являются наиболее очевидным способом повышения внутренней сплоченности и интеграции группы или общества в целом. Поиск и определение «чужих» позволяет четче увидеть «своих»; ксенофобские настроения – хоть и опасный, но достаточно верный способ сплотить нации вокруг несуществующей угрозы. На уровне отдельного индивида адаптивной функцией обладают и социальные установки: они заставляют искать тех, кто будет разделять их точку зрения. Поддержка определенных социальных установок позволяет заслужить одобрение соответствующей социальной группы, быть принятым ими на основе схожести взглядов принципов.

Несмотря на то, что апелляции к историческому бэкграунду оказываются весьма уместными и эффективными, со стратегической точки зрения данную политику сложно признать разумной; хотя бы потому, что в случае изменения внешнеполитической ситуации отказаться от русофобских нарративов будет очень трудно: детская поговорка, гласящая, что слово – не воробей, работает как нельзя точно. Другой важный фактор – глубина укоренения антироссийских представлений. Известно, что социальные установки хотя и обладают высокой устойчивостью, но со временем могут корректироваться. Но это происходит лишь в случае возникновения так называемого «когнитивного диссонанса», т. е. разительного несовпадения фундаментальных

представлений и наблюдаемой реальности. Однако такой диссонанс рассматривается как вариант внутриличностного конфликта, требующего либо «отказаться» от одного из конфликтующих представлений, т. е. фактически забыть его, или прийти к какому-то третьему знанию, способному уравновесить первые два.

Знаменитая теорема Томаса (ситуация, воспринимаемая как реальная, будет реальна по своим последствиям) [16, с. 379–424] продемонстрировала важность субъективных представлений в формировании человеческого поведения и обусловила необходимость их постоянного изучения во всех сферах социального функционирования. В их числе сфера политических отношений, знание о которых зачастую ограничивается наиболее расхожей информацией, чье содержание определяется политикой подконтрольных политическим режимам СМИ. Русофобия как одна из форм ксенофобии имеет потребность в постоянной подпитке имеющихся и генерации новых нарративов, интенсивность которой зависит от уровня внешнеполитической напряженности или актуализации каких-либо проблем экономического или политического характера. Очевидно, что примитивные конструкты о «дикой» и «варварской» стране находят отклик у неискушенного западного потребителя и формируют крайне враждебные образы, носящие уже коллективный характер. После холодной войны антироссийская пропаганда стремится фильтровать все политические вопросы через упрощенный бинарный стереотип демократии и авторитаризма, который не дает практически никакой эвристической ценности для понимания сложности отношений современного мира. Ключевой чертой пропаганды против субъективно воспринимаемого «неполноценного Другого» является, с одной стороны, пренебрежение и насмешки, а с другой – откровенный страх перед угрозой, которую он может нести устоявшемуся мировому порядку. Поэтому на протяжении всей истории России отводилась одна из двух ролей – либо «ученика» западной цивилизации и политического объекта, либо угрозы, которую необходимо сдерживать или победить. Хотя пропаганда имеет положительный эффект, способствуя единению и мобилизации ресурсов для достижения рациональных и стратегических целей, она неизменно будет иметь и отрицательные эффекты, побуждая к принятию иррациональных решений и препятствуя достижению мира.

Список источников

1. Аронсон, Э. Общественное животное / Э. Аронсон. – Москва : Открытое общество, 1998. – 517 с.
2. Гордеева, С. С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии / С. С. Гордеева // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – № 3 (27). – С. 135–140. – doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-135-140.
3. Карабущенко, П. Л. Русофобия: история одной химеры / П. Л. Карабущенко. – Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2025. – 327 с.
4. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс. – Москва : АСТ, 2024. – 224 с.
5. Томас, У. Методологические заметки / У. Томас, Ф. Знанецкий // Американская социологическая мысль. – Москва : Международный университет бизнеса и управления, 1996. – С. 333–355.
6. Узнадзе, Д. Н. Основные положения теории установки / Д. Н. Узнадзе // Труды Д. Н. Узнадзе : в 9 т. – Тбилиси : Мецниереба, 1977. – Т. 6. – С. 263–326.
7. Ширинянц, А. А. Еще раз о русофобии: к вопросу о концептуализации / А. А. Ширинянц // История. Историки. Источники. – 2024. – № 2. – С. 36–50.
8. Шутов, А. Ю. Русский вопрос и линия русофобии в истории политики и политической мысли Европы XIX века / А. Ю. Шутов, А. А. Ширинянц // Тетради по консерватизму. – Москва : Ин-т социально-экономических и политических исследований, 2015. – № 2. – С. 175–207.
9. Ядов, В. А. Гипотеза об иерархической структуре диспозиций личности и её социальной обусловленности / В. А. Ядов // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. – 2-е расшир. изд-е. – Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. – С. 31–39.
10. Allport, G. Social Attitudes and Social Consciousness / G. Allport // Classic Contribution to Social Psychology. – New York : Oxford University Press, 1972. – P. 189–190.
11. Cameron, H. British state complicity in genocide: Rwanda 1994 / H. Cameron // State Crime Journal. – 2012. – № 1 (1). – P. 70–87. – doi: 10.2307/41917771.
12. Gutorov, V. A. Russophobia concept in modern political discourse / V. A. Gutorov, A. V. Myrikova, A. A. Shirinyants // Political expertise: POLITEX. – 2023. – Т. 19, № 2. – P. 166–177. – doi: 10.21638/spbu23.2023.202.

13. Jones, O. D. Law and Behavioral Biology / D. O. Jones, T. H. Goldsmith // *Columbia Law Review*. – 2005. – Vol. 105, № 2. – P. 405–502. – URL: <http://www.jstor.org/stable/4099315> (дата обращения: 08.02.2026).
14. Koser, K. The Global Financial Crisis and International Migration: Policy Implications for Australia / K. Koser // *Lowy Institute for International Policy*. – 2009. – P. 1–20. – URL: https://www.lowyinstitute.org/sites/default/files/pubfiles/Koser_The_global_financial_crisis_web_1.pdf (дата обращения: 08.02.2026).
15. La Piere, R. Attitude versus action / R. La Piere // *Readings in Attitude Theory and Measurement*. – New York : John Wiley & Sons, 1967. – P. 26–31.
16. Merton, R. K. The Thomas Theorem and The Matthew Effect / R. K. Merton // *Social Forces*. – 1995. – Т. 74, iss. 2. – P. 379–424.
17. Stephen, R. Accidental Conflict. America, China, and the Clash of False Narratives / R. Stephen. – New Haven : Yale University Press, 2022. – 448 p.

References

1. Aronson, E. *Obshchestvennoye zhivotnoye* [Social animal]. Moscow: Open Society; 1998, 517 p.
2. Gordeyeva, S. S. Sushchnost i struktura sotsialnoy ustanovki v sotsiologii i sotsialnoy psikhologii [The essence and structure of social attitudes in sociology and social psychology]. *Vestnik Perm-skogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Science Journal of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology]. 2016, no. 3 (27), pp. 135–140, doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-135-140.
3. Karabushchenko, P. I. *Rusofobiya: istoriya odnoy khimery* [Russophobia: the Story of a chimera]. Moscow: INFRA-M; 2005, 327 p.
4. Marks, K. *Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 g.* [Economic and Philosophical manuscripts of 1844]. Moscow: AST; 2024, 224 p.
5. Tomas, U., Znanetskiy, F. Metodologicheskiye zametki [Methodological notes]. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl* [American Sociological Thought]. Moscow: Mezhdunarodnyy universitet biznesa i upravleniya; 1996, pp. 333–355.
6. Uznadze, D. N. Osnovnyye polozheniya teorii ustanovki [The main provisions of the theory of installation]. *Trudy D. N. Uznadze: v devyati tomakh* [Proceedings of D. N. Uznadze: in 9 vols]. Tbilisi: Metsniyereba; 1977, vol. 6, pp. 263–326.
7. Shirinyants, A. A. Eshche raz o rusofobii: k voprosu o kontseptualizatsii [Once again about Russophobia: on the issue of conceptualization]. *Istoriya. Istoriki. Istochniki* [History. Historians. Sources]. 2024, no. 2, pp. 36–50.
8. Shutov, A. Yu., Shirinyants, A. A. Russkiy vopros i liniya rusofobii v istorii politiki i politicheskoy mysli Evropy XIX veka [The Russian question and the line of Russophobia in the history of politics and political thought in Europe of the 19th century]. *Tetrad po konservatizmu* [Notebooks on Conservatism]. Moscow: Institute for Socio-Economic and Political Studies; 2015, no. 2, pp. 175–207.
9. Yadov, V. A. Gipoteza ob iyerarkhicheskoy strukture dispozitsiy lichnosti i eye sotsialnoy obuslovlennosti [Hypothesis about the hierarchical structure of personality dispositions and its social conditioning]. *Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsialnogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya kontseptsiya* [Self-regulation and forecasting of social behavior of a personality: a dispositional concept]. 2nd exp. ed. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing; 2013, pp. 31–39.
10. Allport, G. *Social Attitudes and Social Consciousness. Classic Contribution to Social Psychology*. New York: Oxford University Press; 1972, pp. 189–190.
11. Cameron, H. British state complicity in genocide: Rwanda 1994. *State Crime Journal*. 2012, no. 1 (1), pp. 70–87, doi: 10.2307/41917771.
12. Gutorov, V. A., Myriakova A. V., Shirinyants A. A. Russophobia concept in modern political discourse. *Political expertise: POLITEX*. 2023, vol. 19, no. 2, pp. 166–177, doi: 10.21638/spbu23.2023.202.
13. Jones, O. D., Goldsmith, T. H. Law and Behavioral Biology. *Columbia Law Review*. 2005, vol. 105, no. 2, pp. 405–502. Available at: <http://www.jstor.org/stable/4099315> (accessed: 08.02.2026).
14. Koser, K. The Global Financial Crisis and International Migration: Policy Implications for Australia. *Lowy Institute for International Policy*. 2009, pp. 1–20. Available at: https://www.lowyinstitute.org/sites/default/files/pubfiles/Koser_The_global_financial_crisis_web_1.pdf (accessed: 08.02.2026).

15. La Piere, R. *Attitude versus action. Readings in Attitude Theory and Measurement*. New York: John Wiley & Sons; 1967, pp. 26–31.

16. Merton, R. K. The Thomas Theorem and The Matthew Effect. *Social Forces*. 1995, vol. 74, iss. 2, pp. 379–424.

17. Stephen, R. *Accidental Conflict. America, China, and the Clash of False Narratives*. New Haven: Yale University Press; 2022, 448 p.

Информация об авторе

Голубин Р. В. – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

Golubin R. V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.03.2026; одобрена после рецензирования 28.04.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 30.03.2026; approved after reviewing 28.04.2026; accepted for publication 30.06.2026.